

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

«Общественный строй у народов Северной Сибири», отв. редакторы И. С. Гурвич и Б. О. Долгих, М., 1970, 454 стр.

Рецензируемая книга представляет собой первую и пока единственную в советской этнографической литературе попытку нарисовать цельную и связную картину общественного строя более чем двух десятков малых народов Сибири (хантов, манси, селькупов, азиатских ненцев, энцев, иганасанов, эвенков, эвенов, юкагиров, коряков, чукчей, ительменов, азиатских эскимосов, нивхов, нанайцев, ульчей, орочей, ороков, негидальцев, удэгейцев) начиная со времени, когда были получены первые более или менее достоверные сведения о них (XVII, XVIII, а для некоторых лишь XIX в.), и кончая 1920-ми годами. В своей реконструкции авторы — в подавляющем большинстве сотрудники сектора народов Севера Института этнографии АН СССР — основывались на обширном документальном архивном материале, работах русских и советских этнографов, а также на результатах собственных полевых исследований.

Необходимо отметить, что в книге не только используются уже имеющиеся в распоряжении этнографии данные, но и вводится в научный оборот совершенно новый фактический материал. Это в первую очередь относится к главам «Социальная организация обских угров и селькупов» (автор — З. П. Соколова) и «Социальная организация народов Нижнего Амура и Сахалина в XIX — начале XX в.» (автор — А. В. Смоляк). Несомненную научную ценность представляют сведенные в несколько таблиц результаты предпринятого З. П. Соколовой детального анализа брачных записей метрических книг XVIII—XIX вв. по Березовскому и Сургутскому уездам (стр. 115—116, 123—124). Они позволяют в значительной степени конкретизировать и уточнить представления как о дуально-фратриальной организации хантов и манси, так и о социальной природе так называемых волостей обских угров. Обращаясь к семейной организации хантов и манси, З. П. Соколова не ограничивается общими положениями о существовании у них малых и больших семей. Тщательно составленная таблица позволяет получить детальные сведения о количестве и точном составе больших и малых семей в 13 волостях Березовского уезда в 1794 г., в волостях Сургутского уезда в 1861 г. и в 3 волостях Сургутского уезда в 1875 г.

Обширный фактический материал приводит А. В. Смоляк по бракам лиманских и амурских нивхов. Он интересен тем, что проливает свет на проблему существования так называемого кольцевого союза трех родов. Как известно, понятие о трехродовом союзе как особой форме социальной организации было создано Л. Я. Штернбергом на нивхском материале. В дальнейшем трехродовой союз был объявлен некоторыми этнографами формой универсальной и чуть ли не столь же архаичной, как и дуальная организация. Как свидетельствуют приведенные в книге данные, в начале XX в. самым обычным явлением у нивхов были браки одного рода с 3-мя—12-ю другими (стр. 281—287). Конечно, можно допустить, как это делает А. В. Смоляк, что существовавший в прошлом у нивхов трехродовой союз разрушился в результате частых передвижений и других причин. Но важно отметить, что сам Л. Я. Штернберг, так много писавший о гильяцкой фратрии, не мог привести ни одного примера такого союза. На наш взгляд, трехродового союза как особой формы социальной организации вообще никогда не существовало. В действительности Л. Я. Штернберг обнаружил у нивхов лишь известный и у других народов запрет отдавать дочерей и сестер замуж в тот род, откуда члены первого рода сами берут жен. Из этого запрета следует, что каждый род должен быть связан по меньшей мере с двумя родами — родом тестей и родом зятьев. Даже если мы допустим, что эти связи являются прочными: род *A* постоянно берет жен из рода *B* и столь же постоянно отдает дочерей в род *C*, то это вовсе не предполагает обязательного существования брачной связи между родами *B* и *C*, т. е. замыкания кольца. Во всяком случае там, где существовал подобный запрет, ни разу не отмечено существования

трехродового союза. Каждый род в таких случаях был, как правило, связан не с двумя, а с значительно большим количеством родов.

Хотя рецензируемая работа содержит большой и разнообразный фактический материал, ее не следует рассматривать как простую его сводку. Большое место в ней уделено обобщению имеющихся данных, что сказалось и на самой структуре книги. Из 15 глав только восемь посвящено описанию социальной организации отдельных народов или групп народов. Остальные семь носят обобщающий характер. Они посвящены хозяйству народов Севера (гл. I), пережиткам материнского рода (гл. II), отцовскому роду (гл. III и XIII), племени (гл. XII), соседской общине (гл. XIV), пережиткам первобытнообщинного строя (гл. XV). Такое построение работы создает, конечно, и известные неудобства. Так, например, чтобы получить более или менее полное представление об общественном строе эвенков, недостаточно ознакомиться лишь с главой VII, специально посвященной этому сюжету. Необходимо также прочитать соответствующие страницы глав XII, XIII, XIV. Если учесть, что четыре указанные главы принадлежат трем разным авторам, взгляды которых совпадают далеко не по всем вопросам, то трудности, которые могут встать перед читателем, станут еще более отчетливыми. Однако ограничение работы исключительно главами об отдельных народах было бы недостатком гораздо большим. Обобщающие главы являются, на наш взгляд, самыми интересными в книге. Без них была бы невозможна сколько-нибудь цельная картина социальной организации малых народов Сибири и тех изменений, которые произошли в ней в XVII—XX вв.

Несомненным фактом является то, что у всех малых народов Сибири в начале XX в. важнейшей социальной единицей была соседская территориальная община, детальную характеристику которой мы находим в главе XIV (автор — И. С. Гурвич). Количественный состав этих общин у всех народов, о которых имеются точные данные, колебался примерно в одних и тех же пределах. Число членов общин обычно не превышало 500 человек и редко опускалось ниже цифры в 150 человек. В среднем общины насчитывали в своем составе 250—400 человек. У тех народов, у которых существовали роды, не только сами общины, но и их составные части включали людей, принадлежавших к разным родовым группам. Характерной особенностью соседской общины охотников и оленеводов была необычайная аморфность внутренней структуры. Все производственные объединения, из которых состояли общины, представляли собой текучие, непостоянные и зачастую временные группировки семей. Так, например, у эвенков зимой образовывались группы из 2—3 семей, весной и летом — из 5—10 семей (стр. 391). У чукчей в пределах соседских общин постоянно происходило реформирование стойбищных производственных объединений (стр. 406). Интересно в этой связи отметить, что существование такого же рода аморфных по своей структуре общин было отмечено и далеко за пределами Сибири. Они существовали, в частности, у эскимосов Аляски и Канады, индейцев Большого Бассейна и плато¹. В результате контакта с европейцами очень сходные образования возникли кое-где у аборигенов Австралии и бушменов². И знаменательно, что у всех указанных этнических групп размеры такого рода аморфных образований колебались примерно в тех же пределах, что и у малых народов Сибири. Все это свидетельствует о том, что в данном случае мы имеем дело с какой-то закономерностью.

Если в конце XIX — начале XX в. основной социальной единицей у малых народов Сибири была аморфная соседская община, то возникает естественный вопрос: что же ей предшествовало? По мнению Б. О. Долгих и И. С. Гурвича, у тех народов, у которых существование рода не зафиксировано, соседской территориальной общине конца XIX — начала XX в. предшествовала «архаическая», «старая» соседская община, сходная с первой по форме, но отличная от нее по содержанию.

Суждения о прошлой общественной структуре тех малых народов, у которых род существовал, в книге довольно противоречивы. С одной стороны, в ней говорится, что род был «основой социальной ячейкой первобытнообщинного строя у народов Северной Сибири» (стр. 15), что община у них в прошлом была родовой (стр. 16). С другой стороны, мы узнаем, что у эвенков, например, роды еще в XVII в. были разбросаны по разным уездам (стр. 371—372), что в силу своего крупного размера (50, 100, 200 взрослых трудоспособных мужчин) они не могли быть «производственными единицами» (стр. 375), что «экономическими ячейками тунгусского рода» были «локальные кочевые группы» (стр. 236). И эти противоречия не случайны. Сложность вопроса во многом связана с тем, что относящиеся к XVII в. материалы столь отрывочны и фрагментарны, что допускают различную интерпретацию.

На наш взгляд, ключ к решению вопроса заключается в проведенном Б. О. Долгих в главе «Типы отцовско-родовой организации народов Севера» делении родов на «большие» и «малые». «Малые роды» могут существовать и без «больших», но «большие роды» обычно состоят из определенного числа «малых». «Большие роды», как правило, были расселены на большой территории, отличались очень устойчивым составом, посто-

¹ См.: J. H. Steward, Basin — Plateau aboriginal sociopolitical groups, Washington, 1958; R. Spencer, The North Alaskan Eskimo, Washington, 1959.

² См.: M. J. Meggitt, Desert people. A study of the Walbiri aborigines of central Australia, Sydney, 1962; R. Lee, !Kung bushmen subsistence on input — output analysis. In «Environment and cultural behavior». Ed. by A. P. Vayda, New York, 1969.

янными характерными названиями и представляли собой прежде всего экзогамные единицы (стр. 361). Имея определенные общественные функции, они в то же время не были производственными объединениями (стр. 361—362). В отличие от них «малые роды» в первую очередь были «производственными ячейками и локальными кочевыми группами» (стр. 361). Назывались они в большинстве случаев по именам или прозвищам своих основателей или лиц, их возглавлявших. Такие «роды» были неустойчивыми по составу и длительности существования. Они возникали и исчезали. Отдельные семьи могли переходить и переходили из одного «рода» в другой (стр. 361—364). Свообразием состава отличались «малые роды» юкагиров. В силу матриликальности брака они включали в свой состав зятьев и их родственников (стр. 252 сл.).

Если относительно «больших родов», на наш взгляд, не может быть двух мнений, то с «малыми родами» дело обстоит сложнее. И в этой связи нельзя не отметить, что многие члены авторского коллектива стремились по возможности не употреблять термин «род» для обозначения указанных социальных образований. Одни называют их патронимиями (Е. А. Алексеев, С. И. Вайнштейн, а в ряде мест В. И. Васильев), локальными кочевыми группами (В. А. Туголуков), фамилиями (З. П. Соколова).

Рассматриваемые социальные образования, исключая юкагирские «малые роды», действительно имеют определенные черты сходства с патронимиями. Здесь, как и в случае с патронимией, мы сталкиваемся с объединением семей, костяком которого является ядро патрилинейной генеалогической группы. Эта патрилинейная родословная группа (патрилия) может быть низшим звеном целой иерархии патрилиний, завершающейся родом, а может и непосредственно представлять собой подразделение рода. Поздний отцовский род всегда, как правило, состоит из нескольких патрилиний, каждая из которых нередко в свою очередь делится на патрилинии меньшего масштаба и т. д.

Вследствие экзогамии патрилинии и патрилокальности брака ни одна из них, даже самая минимальная, не может быть производственным объединением. Последнее неизбежно должно состоять из семей, а тем самым из членов нескольких патрилиний. Так как каждая такая хозяйственная группа имеет своим костяком ядро одной определенной минимальной патрилинии, то она неизбежно носит то же самое название, что и данная патрилиния, и практически с ней отождествляется. В своей идеальной форме такая патрилинейная хозяйственная группа должна состоять исключительно лишь из всех мужчин — членов ядерной патрилинии, из незамужних сестер и дочерей, а также из их матерей и жен. В действительности, как свидетельствуют факты, дело обстоит сложнее. С одной стороны, в состав подобного производственного объединения могут входить семьи, главы которых не являются членами его патрилинейного ядра, с другой — отдельные мужчины, принадлежащие к данной патрилинии, могут оказаться в составе других хозяйственных групп. Однако сколько бы чужаков ни входило в состав хозяйственного объединения, пока оно сохраняет свое патрилинейное ядро, оно продолжает носить то же название, что и ядерная патрилиния, и сохранять свое единство и определенность.

Все сказанное выше, на наш взгляд, проливает свет на природу «малых родов» народов Севера. В большинстве случаев они представляли собой не что иное, как патрилинейные хозяйственные группы, но не идеальные, а включающие в свой состав более или менее значительное число мужчин — не членов ядерной патрилинии. В этом убеждают все приводимые Б. О. Долгих данные (стр. 362—370). Что же касается «малых родов» юкагиров, то, по нашему мнению, мы сталкиваемся здесь с претерпевшими определенную деформацию матрилинейными хозяйственными группами. Их наличие свидетельствует о существовании в не очень отдаленном прошлом у юкагиров материнского рода. Во всяком случае не подлежит сомнению, что если не по форме, то по своему содержанию, по своим функциям «малые роды» юкагиров мало чем отличались от патрилинейных хозяйственных групп других народов Севера.

По данным Б. О. Долгих, в состав «малых родов» «самоедов», тидирисов, тавгов, ваяндов и юкагиров в XVII в. входило в среднем по 17 взрослых мужчин, что дает общую цифру членов объединения в 68 человек (стр. 363—364). Такими же примерно были по своему составу и «малые роды» эвенков (стр. 234—235, 376). Эти хозяйственные объединения не представляли собой в XVII в. совершенно самостоятельного социально-экономического целого. У юкагиров «малые роды» были составными частями крупных территориальных групп численностью от 210 до 600 человек (стр. 351). Учитывая совпадение этих цифр с численностью соседских общин начала XX в., можно полагать, что и в данном случае мы имеем дело с общинами. В общины были объединены «малые роды» и у других народов Севера.

Важный вопрос, который встает перед нами: принадлежали ли патрилинейные ядра хозяйственных групп одной и той же общины к одному роду (имеется в виду подлинный род) или же нескольким? Ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Отнюдь не исключена возможность, что все патрилинии той или иной общины могли принадлежать к одному роду. Но считать, что так было повсюду, было бы неверно. Как уже отмечалось, по крайней мере некоторые роды эвенков уже в XVII в. были рассеяны на широкой территории. А данные этнографии свидетельствуют, что там, где члены одного рода широко расселены, община обычно состоит из групп, принадлежащих к разным родам.

Таким образом, можно, по-видимому, считать, что в XVII—XVIII вв. община большинства народов Севера состояла из нескольких более или менее постоянных и устойчивых патрилинейных хозяйственных групп, ядра которых могли принадлежать

как к одному роду, так и к нескольким. Указание на сравнительное постоянство этих групп отнюдь не означает, что члены их обязательно кочевали совместно. Для тех или иных хозяйственных целей эти объединения могли делиться на меньшие группы по 2—3 семьи в каждой (см. стр. 234, 376). Отдельные семьи могли переходить из одной группы в другую. Разрастаясь, группы могли разделиться на два новых хозяйственных объединения. Но при всем этом патрилинейные родственные группы всегда сохраняли свою определенность.

Изменения, которые произошли в XVIII—XIX вв., состояли прежде всего в разрушении патрилинейных ядер хозяйственных групп. В результате на смену общине, состоящей из патрилинейных хозяйственных групп, пришла аморфная соседская община, которую мы и застаем в начале XX в.

Интересен вопрос о существовании у малых народов Севера племен. Как известно, многие этнографы отвечают на него отрицательно. Б. О. Долгих в главе «Племя у народов Севера» предлагает иное решение вопроса. Нельзя в этой связи не отметить, что споры о том, существуют ли у тех или иных народов племена, нередко становятся совершенно беспредметными в силу того, что спорящие вкладывают в термин «племя» далеко не одинаковый смысл. Поэтому Б. О. Долгих совершенно прав, когда начинает с определения того, что он понимает под племенем (стр. 334). Он не считает обязательным признаком племени наличие общих органов власти. И на наш взгляд, с ним можно в этом согласиться. У многих, например, народов Африки (нуэры, динка, лугбара и др.) существуют такие специальные образования, которые нельзя охарактеризовать иначе, как племена, но которые тем не менее лишены общих органов власти. Вероятно, можно спорить с Б. О. Долгих по вопросу о том, является ли то или иное конкретное социальное объединение у того или иного народа племенем или нет, но в целом приведенный им фактический материал в достаточной степени убедительно свидетельствует о том, что племя в том смысле, как он его понимает, по крайней мере у части малых народов Севера существовало. Важно отметить, что в ряде случаев мы наблюдаем и существование общих органов власти, определенной племенной организации.

Согласно материалистическому пониманию истории, основой, базисом любого общества являются производственные, социально-экономические отношения. Нельзя сказать, чтобы экономика совершенно осталась вне поля зрения авторов. В главах III (Б. О. Долгих), VII (В. А. Туголуков), VIII и XIV (И. С. Гурвич), IX (В. А. Смоляк) X (С. И. Вайнштейн) мы находим немало данных о формах собственности, распределения и обмена у малых народов Севера. Однако сколько-нибудь детальный их анализ в книге отсутствует. В результате многое остается неясным. Приводя, например, данные, свидетельствующие о том, что у одних и тех же групп в один и тот же период существовали, с одной стороны, уравнильное распределение пищи, а с другой — значительное имущественное неравенство и эксплуатация человека человеком, авторы в то же время не раскрывают, каким образом одно могло сочетаться с другим (см. стр. 262, 302—304, 392—393, 409—410 и др.). Неоднократно повторяя, что в процессе развития родоплеменные кровные связи уступили место соседским, авторы недостаточно раскрывают социально-экономическое содержание как тех, так и других. И этот недостаток присущ не только рецензируемой работе. В целом в нашей этнографической литературе социально-экономическим отношениям вообще, отношениям распределения и обмена в частности уделяется значительно меньше внимания, чем они заслуживают. Хотелось бы надеяться, что авторы рецензируемой книги продолжат начатое дело и создадут труд, специально посвященный анализу отношений собственности, распределения и обмена у малых народов Севера.

В книге содержатся отдельные положения, с которыми, на наш взгляд, трудно согласиться. Таково, например, высказанное в заключении предположение, что общественный строй нивхов в XVII в. был безродовым и что, следовательно, зафиксированный у них в XIX—XX вв. отцовский род является новообразованием (стр. 431). Вряд ли, по нашему мнению, можно считать обособленной выдвинутую в главе «Особенности социальной организации палеоазиатов крайнего Северо-Востока Сибири» гипотезу о том, что в XVII в. и раньше «на стадии охоты на дикого северного оленя, как основного производственного занятия, чукчи и коряки, вероятно, представляли собой конгломерат немногочисленных групп, у которых существовал групповой брак, ограниченный лишь возрастными критериями и близким родством» (стр. 321).

В книге не всегда достаточно четко выдержана терминология. Авторы иногда пишут о моногамном браке и моногамной семье, в то время как речь идет в действительности о парном браке и парной семье (стр. 280, 302). Нередко в слишком широком смысле употребляется термин «частная собственность» (стр. 91—92, 230, 295 и др.).

Но все это не может помешать в целом высокой оценке рецензируемой работы. Она, несомненно, представляет собой ценный вклад в литературу, посвященную этнографическому изучению Сибири.

Ю. И. Семенов